

Совет по изучению и охране культурного и природного наследия при Президиуме РАН.
Институт мировой литературы им. А.М.Горького.
Администрация Невельского района Псковской области. Музей истории Невеля.

Чтения:

Невельский круг М.М.Бахтина (26—29 сентября 1994 г. Невель)

Тезисы докладов

Ответственный редактор доктор философских наук, профессор В.А.Гущина

"Наследие" Москва 1995 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Л.М.Максимовская ...Невель “Бахтинского” времени”	5
Б.Ф.Егоров ...Невельский “кружок” Бахтина и типология кружков	12
В.Л.Махлин ... Была ли “Невельская школа”?.....	15
К.Г.Исупов... В режиме апофатического чтения	19
В.Г.Белоус ... Л.В.Пумпянский в Вольфиле	22
В.А.Гущина ... Идеи Бахтина и проблемы аналитической философии	25
А.И.Сизов ... Документы Великолукского филиала Госархива Псковской области – Источники по изучению общественно-политической ситуации в Невель- ском крае в 1918 – 1920 годах	28
Н.А.Паньков ... Невельский период биографии М.М.Бахтина: по страницам архивных материалов	32
В.И.Лаптун ... О некоторых моментах жизни и деятельности М.М.Бахтина в Саранске	34
В.Ф.Тейдер ... Устные воспоминания М.М.Бахтина в коллекции фонодокументов Научной библиотеки МГУ	36
Приложение ... 23 марта 1973 года. Шестая беседа с Михаилом Бахтиным	40

"Невель "бахтинского" времени

С середины XIX в., когда открылось движение по шоссе Петербург-Киев, первым городом Западной России на пути из Петербурга был пограничный Невель. Город расположился на холмах у берегов большого озера. О нем нельзя было сказать — "весь как на ладони". Перспективу скрадывали причудливые повороты, подъемы и спуски мощных улиц. В архитектуре доминировали храмы — православные и католические, — расположенные на небольшом расстоянии друг от друга, с ними соседствовали и пятнадцать невельских синагог и молельных домов.

Успенский собор (начало XIX в.), Спасопреображенский мужской монастырь (начало XVIII в.), костел Святого Георгия (конец XVIII в.), синагоги Лепкес, Ноткес, Дворянскер, Юнгер, торговые ряды и одно-двухэтажные особнячки с кирпичным ажуром по фасаду — это был Невель, маленький провинциальный город, в котором с известного времени старина разрушалась с особым тщанием. Из двадцати трех храмов, участвовавших в городской жизни в начале XX в., до нашего времени сохранился только один — церковь Святой и Животворящей Троицы (середина XIX в.), а из всего архитектурного наследия в целом — несколько краснокирпичных особнячков, образцов провинциального стиля (такие дома встречаются во всех городах бывшей Витебской губернии, к которой Невель относился с 1802 по 1924 гг.)*.

Двадцатый век изменил облик города, стер колоритные черты культурного смещения и многообразия, характерные и для других городов Западной России. Пожалуй, только в языке следы старины оказались неискоренимыми.

В Невеле жили поляки, белорусы, русские, евреи, и язык современного города вобрал в себя особенности каждого наречия. "Не один Гаврила в Полоцке", — говаривали невельчане в старые времена.

Там, где этносы соприкасались непосредственно — на городском рынке — звучала особенная невельская речь с белорусски-

* См. сб. "Невельская старица". СПб. 1993

ми вкраплениями, еврейскими интонациями и иными особенностями, видными теперь только ученому-лингвисту.

В отношениях этносов, в народной уличной жизни проявляла себя порождающая смеховые ситуации антиномия — "свое" — естественно и привычно, "чужое" — смешно. Предметом осмеяния становилась прежде всего чужая речь. М.И.Каган писал в своей автобиографии: "На еврейских книгах еврейские названия книг повторялись русскими вокабулами. (...) Я читал (...) эти слова, русское произношение которых меня очень смешило..."*.

Любопытны в этом смысле и отношения жителей граничащих друг с другом территорий. Все, что выбивается из привычной, устоявшейся культурной среды, вызывает смех. Невельский краевед Н.Зорин записал в 20-е годы характерное сообщение одной из невеличанок: "Когда мы едем на полночь (север) за Великие Луки, нас там называют белорусами, а когда едем на полдень (юг) за Невель, там над нами смеются, что мы наворачиваем трюхи по-расейски"***.

Толерантность по отношению к "чужому" была необходимым условием существования этносов в близком соседстве, причем "свой" и "чужой" не были раз и навсегда закрепленными понятиями и менялись местами в зависимости от точки зрения или вовсе теряли свою антиномичность в сознании горожанина. М.Бахтин, например, говорил М.Кагану о том, как они "вкусно праздновали" и русские, и еврейские праздники. (Сообщено Ю.М.Каган).

Взаимоосмеяние и вообще сама возможность такового — свидетельство здоровых отношений этносов. Нигде так не проявляет себя подлинный характер отношений, как на улице. Уличные действия, рассчитанные на зрителя и на получение максимума удовольствия его участниками, характерны для полиэтнической среды, где наслаиваются друг на друга разные наречия и соседствуют разные культуры. Приведем характерный эпизод из невеличского быта конца двадцатых годов, записанный С.Жиркевичем.

Деревенский житель, старик по прозвищу Сват, рассказывает о своих соседках: "Собирают грибы и везут у город у Невель продавать на лошади. У трех (втроем) — их три сестры было. Насушать и везуть. Подъезжают к Горбтому мосту у нас у Невеле, а евреи встречают, хто везет продавать. И вот они едут, ноги под ж... подложить, сидять на ногах прямо и хохочуть, и покуриваютъ. — Что везете продавать?"

* Каган Ю.М. О старых бумагах из семейного архива // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1922, N 1, С. 64

***Зорин Н.И. Вопрос об этнографическом составе населения Невельского уезда // Познай свой край. Вып. 3. Псков, 1927. С. 48

— Жидов сушеных!

— Как так?!

Как увяжутся за ними эти жида, на колеса сядут, руками машут. А с Горбатого моста круто под горку, а один там сидит, другой там усевшись, а которая правит конем, бьет его, а потом одного жида под ж..., другого под ж... — уси с колес полетели.

А те хохочуть: а, поехали — жидов продали?"

Свое собственное, изнутри сложившееся уличное слово, слово непосредственного общения — это был тот языковой фон, который был слышимым, но вряд ли мог оказать какое бы то ни было воздействие на духовный мир молодых философов, членов Невельского философского кружка. Этот язык находился вне сферы их выбора, но очевидно, что Бахтин к нему прислушивался. С подобным типом городской культуры, а значит и народной площадной речи Бахтин был уже знаком по Вильно и — после Невеля — оказался в аналогичной городской среде в Витебске.

Вряд ли речь нсвельчанина существенно изменилась за последние семьдесят — семьдесят пять лет, с тех пор, как ее слышали на улицах участники невельского философского кружка М.М.Бахтин, М.И.Каган, Л.В.Пумпянский, М.В.Юдина и др.

Бахтин и его друзья застали еще тот Невель, который считался одним из красивейших и богатых городов Витебской губернии. Это был торговый порубежный город, связанный с Петербургом двумя прямыми дорогами — железной и шоссейной. В начале XX в. торговлей в городе с семнадцатитысячным населением занималось до четырехсот еврейских семейств. В современном Невеле не осталось и следов былого колорита. Уничтожен костел, католическое кладбище, все синагоги, все церкви, кроме одной; Никольская улица теперь называется улицей Урицкого, Зеленая, на которой жили Каганы, стала улицей Герцена, а Кагальная переименована в Интернациональную...

Период пребывания Бахтина в Невеле был относительно счастливым периодом. Власти еще позволяли себе вступать в диалог, и чиновник уисполкома И.Гурвич мог невозбранно восклицать: "...Искусству свободному, искусству объединенному, прекрасному, бессмертному — привет!"*

В конце десятых — начале двадцатых годов в Невеле сложилась беспримерная ситуация. Благодаря присутствию Бахтина, Кагана, Пумпянского, Зубакина, Гурвича и активности местной интеллигенции город жил напряженной культурной жизнью:

концерты, диспуты, спектакли, лекции следовали плотной чере-

*Гурвич И. Вольному искусству привет! // День искусства. Невель, 13 сентября 1919 г. С. 1

дой. При этом приезжие интеллигенты и провинциалы оставались двумя не смешиваемыми слоями.

Таким образом, невельский период биографий членов невельского философского кружка, ставших впоследствии крупнейшими в российской культуре фигурами, был связан не только с философскими штудиями в тесном кругу, но и с публичными выступлениями, участием в диспутах и спектаклях. Философ М.И.Каган и пианистка М.В.Юдина в Невеле выросли, со всеми остальными город объединил их на несколько лет для тесного общения, сотворчества и дружбы.

И все же диссонанс, напряжение, возникающее между человеком творческим и провинциальной средой, вели к полному разрыву с провинцией. Невель покинули все: Юдина, Бахтин, Каган, Зубакин, Пумпянский, но сам город оставался памятным как место духовного поиска и единения, участия в живой городской жизни. В 1964 г. Юдина писала Бахтину: "Сколько было пережито вместе Прекрасного, Горестного и Горького (...), трудного, неподъемного и все же преодоленного, вместе, вместе, вместе (...) в Невеле, Ленинграде (...)"*.

В одном не было диссонанса между провинциалом и москвичом или петербуржцем — в отношении к невельской природе. Бахтин говорил о Невеле так: "(...) Очаровательная природа сама по себе, прелестное место"**. Созерцание невельской природы оказало свое влияние и на Н.О.Лосского (имение его матери находилось в Невельском уезде), и на М.В.Юдину ("Мы поистине выросли в земном раю"), и на переводчицу Э.Л.Линецкую, и на многих других невельчан, свидетельствами которых мы располагаем.

Вспоминая о Невеле 1918—1920 гг., Бахтин говорил: "Там своеобразная вещь тоже была, для тех лет характерная: было Невельское научное общество. Но это была не игра, нет. Председателем его, между прочим, был я. Членами были Пумпянский, Матвей Исаевич Каган — философ". Кружок философствующих друзей формализовался, очевидно для того, чтобы стала возможной широкая общественная жизнь. Так оно и происходило в действительности. Надо только учитывать, что город переживал тогда драматическую эпоху установления советской власти и все то, что с этим связано. И одновременно в Невеле кипела публичная и приватная философская и художественная жизнь.

В протоколе заседания Невельского уездного Совдепа от 10 апреля 1918 г. записано: " (...) Жизнь выдвигает Совету как местной власти, на которую возлагается ответственность перед

*Из переписки М.В.Юдиной и М.М.Бахтина (1941—1966 гг.) Публикация А.М.Кузнецова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993, N 4. С. 73

** Разговоры с Бахтиным. Невель. Витебск. // Человек. 1994, N 1, С. 168 Юдина М.В. Сб. статей. М., 1978. С. 208

голодным и безработным населением, дать хлеб и заработок в первую очередь, а затем уже зрелища"*.

А народ тем временем валом валил именно на зрелища. В декабре 1918 г. в невелиском Народном Доме имени Карла Маркса в присутствии 600 человек, если верить автору отчета о диспуте (вероятнее всего, автором был Макарий Бобков, заведующий отделом просвещения Невельского уисполкома, так как отчет подписан инициалами М.Б.—в), состоялся диспут "Бог и социализм". Диалог между Бахтиным, Пумпянским и видными невелискими большевиками — Я.Гутманом, И.Гурвичем завершился в два часа ночи выступлением товарища Кузнецова:

"Его речь все время сопровождалась аплодисментами и громким смехом слушающих. Тов. Кузнецов не вдавался в глубину науки, а толково и ясно обрисовал примерами из жизни и указал на всю несуразность религии и все противоречия и ложь так называемого священного писания. (...) Его речь подействовала и, вероятно, убедила Помпянского (так! — Л.М.) и Бахтина (если они не криводушничали в своих речах), так как и они долго аплодировали тов. Кузнецову"***.

Что было в этих аплодисментах Бахтина и Пумпянского, жесте одновременном и общем? Терпимость? Участность? Приобщение? Видимо, все вместе. Или это была живая реакция на снижение, профанацию, на проявленную в реальной действительности оборачиваемость идей?

Спустя три года Бахтин писал: "Пусть я насквозь вижу данного человека, знаю и себя, но я должен овладеть правдой нашего взаимоотношения, правдой связующего нас единого и единственного события, в котором мы участники..."***. Невельский опыт участия сыграл не последнюю роль в развитии бахтинской концепции диалогизма. Это было время прямого диалога, в дальнейшем он уже не был возможен.

Очевидно, по должности и по поручению завершал полемику декабря 1918 года товарищ Яхимович, заведующий Народным Домом. "Молот" сообщает: "В субботу (...) состоится доклад тов. Яхимовича — на тему: "Абсолютная доктрина бытия". (...) Доклад представит собой краткое популярно-научное изложение древнейшего и всегда неизменного учения о сущности Бога, Вселенной и человека — под названием "Абсолютная доктрина" древнейших народов погибшей Атлантиды (...). Вышеуказанный доклад по своему внутреннему содержанию явится полным интеллектуальным ответом на два публичных диспута, состоявшихся в Народном Доме имени Карла Маркса: 1) 27

*Фонд Музея истории Невеля, оп. I, N 2

**М.Б.—в. Диспут на тему "Бог и социализм" // "Молот". 3 декабря 1918 г., N 47. С. 3.

***Бахтин М.М. К философии поступка // "Философия и социология науки и техники": Ежегодник. 1984—1985. М., "Наука", 1986. С. 94—95

ноября на тему "Религия и социализм" (так! – Л.М.) и 2) 16 декабря на тему: "Лев Толстой и его творчество"*.

Удался ли замысел тов. Яхимовича с помощью погибшей Атлантиды поставить точку в споре о социализме, религии и Льве Толстом одновременно? Состоялся ли вообще этот доклад? Если состоялся, и при том же составе слушателей, что и оба диспута, то Бахтин и Пумпянский наверняка аплодировали товарищу Яхимовичу и его Атлантиде.

Конец десятых — начало двадцатых годов в Невеле — это эпоха, которую мы сможем понять только при условии тщательного учета важнейших из действовавших тогда сил и свободно бродивших идей. Идеи имели продолжение и развитие, силы же постепенно распределились так, что "тайная свобода", два — три года осуществлявшаяся не только внутри, но и вне творческого сознания, вновь стала тайной. Сбылось пророчество художника И.Н.Гурвича (1895—198?), заведующего внешкольным подотделом Отдела просвещения Невельского уисполкома в 1918—1919 гг. Обращаясь к "господам интеллигентам" он писал: "И мы еще понесем культуру и создадим новую культуру, только не ту, которую вы нам несете, культуру барчат, а новую культуру, пролетарскую. Если вам все это сегодня кажется странным, то завтра это будет господствующим, ибо колесо истории работает за нас. Держите себя еще нежными фиолетовыми цветами, цепляйтесь еще за декадентскую любовь, почитывайте стишки вымирающих символистов, возмущайтесь нашими красными звонами, ужасайтесь нашими потрясениями, смейтесь, но знайте: смеется тот, кто смеется последним"***.

Декларации Гурвича в скором времени были актуализованы. Многое сбылось. Гурвич имел возможность убедиться в этом за свою долгую жизнь, и это, видимо, была одна из причин, по которой он тщательно скрывал не только свою активную деятельность в Невеле, но и сам факт пребывания в городе в эти годы (в его архиве хранится аккуратно обрезанная фотография:

удалены Бахтин, Гутман, Каган, Пумпянский и отсутствуют какие бы то ни было документы невеликого периода). Следы невеликого диалога и взаимодействия (Гурвич вместе с Бахтиным и Пумпянским готовил постановку "Эдипа в Колоне", с Бахтиным и Каганом участвовал в альманахе "День искусства", полемизировал с членами невеликого философского кружка на публичных диспутах) уничтожались. Талантливый художник, примитивист на грани гениальности, в своей общественной деятельности он выбрал, правда, искренне и убежден-

* "Молот", N 53, 24 декабря, вторник. 1918. С. 4

**Гурвич И. Господа интеллигенты // "Молот", 23 июня 1919 г., N 105. С. 1

но совершенно однозначный путь. В начале семидесятых годов Гурвич писал "Д.С.Лихачеву" "Если бы Вы сказали моим товарищам по партийной работе, что я занимаюсь живописью и литературой, они Вас высмеяли бы: не поверят этому. Начиная с начала 1917 года, по сей день я — партийный агитатор (...)".*

Иным был путь Бахтина. Схематизм и однозначность были чужды ученому и мыслителю. Его поведенческая этика исключала угрозы и декларации, и очевидно, он относился к патетической привязанности Гурвича к социалистической идее как к одному из явственно слышных и различимых голосов в большом диалоге, имевшем место в провинциальном городе. Этот диалог еще ждет своего исследователя.

Деятельность невелиского философского кружка вошла в биографию Нееля, а невелиский период соответственно был важнейшим периодом в биографиях его членов. Это историческое время было пережито на фоне своеобразной культуры полиэтничного порубежного города и во взаимодействии с теми, кто оказался тогда, в первое послереволюционное время в Нееле — Яном Яновичем Гутманом, редактором газеты "Молот", Иосифом Наумовичем Гурвичем, художником и чиновником, видными невелискими большевистскими деятелями — Дейхманом, Бобковым, Кузнецовым. Все они — свидетели и участники.

В жизни бахтинского круга в посленеельский период оставалась живой "славная традиция Нееля: крепкий чай и разговоры до утра"**. В этих разговорах вырабатывалась особая культура мышления и новые пути философской мысли. А время становилось все жестче...

* Записи любезно предоставлены нам Б.Н.Селизаровой.

** Каган Ю.М. То же, с. 35

Невельский "кружок" Бахтина и типология
кружков

Относительно замкнутые группы людей, отделявшие себя от остального общества по идеологическим, структурно-пространственным, профессиональным и т.п. признакам, известны с античных времен (например, платоновская школа). Христианский мир создал монастыри и университеты как своеобразные братства, имеющие прочные традиции и ритуалы и противостоящие не только другим, совсем не похожим на них социумам (монастыри — секулярному миру, студенты — филистерам), но и аналогичным, но "чужим" группам (например, соперничество Оксфордского и Кембриджского университетов).

Монастыри и учебные заведения, а также другие пространственные образования (воинские части, клубы, общества, театры, тюрьмы), хотя и создавали некое братство, особенно высоко ставившее взаимопомощь, верность коллективу и его идеалам, все же были достаточно крупными учреждениями, чтобы между всеми их членами существовала тесная дружба.

Исторический опыт показывает, что пространственные и профессиональные объединения, расширяя количество своих членов, ослабляют межличностные связи, несмотря на все лозунговые и мифологические тексты, долженствующие объединять людей (лицей, гвардейский полк, спортивное общество, знаменитый театр и т.д.). К тому же некоторые коллективы, формируемые по пространственным и профессиональным признакам (салоны, клубы и кружки), как бы изначально предполагающие "текучесть кадров", и не ставят целью подружить всех своих членов.

Более спаяны идеологические группы: мировоззренческие связи очень сильны, они значительно сильнее, чем выше отмеченные. Но и здесь расширение состава влечет за собой экстенсификацию отношений. Может быть лишь политическим группировкам удается за счет четкой, а иногда и жестко-насильственной организации, увеличивать количество участников без ослабления межличностных связей. Однако психологические отличия, духовно-душевные индивидуальные структуры даже при мировоззренческом сходстве порождают ограничение лич-

ностей, а иногда и исконную невозможность чисто человеческих дружеских связей между членами. Политические партии и группировки не могут обеспечить всеобщую дружбу своих членов. Небольшие же идеологические коллективы могут отличаться не только мировоззренческим, но и относительным психологическим единством: любомудры, славянофилы, "Могучая кучка", "поэты-символисты", футуристы и т.д. Разногласия и ссоры, конечно, возможны и здесь, но они слабеют на фоне связей и общностей в группах. Все они создавались очень узкой группой людей, но затем рост влияния и привлечение в их орбиту новых сотрудников создавали несколько размытые, нечеткие окраины, ослаблено связанные с ядром.

Коренное отличие таких небольших идеологических групп от политических партий заключается в достаточно мощной автономизации, отделении себя от социально-политических движений и идеалов (некоторое исключение здесь являют славянофилы как, промежуточное образование между партией и интимным кружком). Если политические партии стремятся активно вторгаться в общественную жизнь, то небольшие идеологические коллективы, которые в России издавна получили название кружков, почти всегда ставят своей целью общественное уединение. Они создаются, подобно ранним христианским общинам, на негативной основе, отталкиваясь от внешнего мира, по тем или иным причинам не устраивавшего членов кружка. Само понятие кружка предполагает ограничение себя окружностью, оградой от остального пространства. Кстати, и небольшие политические группировки в своей зачаточной стадии весьма далекие от партий (студенческие кружки Московского университета: Сунгурова и Герцена-Огарева; кружок Н.А. Добролюбова в главном педагогическом институте и т.д.), тоже создавались по принципу замыкания в себе.

Но особенно интенсивен сепаратизм кружков, создававшихся не в социально-политической сфере интересов, а, так сказать, в культурологической: в центре внимания оказывались философия, религия, история, литература, музыка и т.д.. При государственном тоталитаризме, при цензурном давлении не только в социально-политической, но и во всех сферах человеческой деятельности, кружки оказывались той крепостью, за стенами которой можно было свободно творить и обсуждать свои творения с ближними.

Наиболее контрастными по отношению к господствующим идеологическим структурам стали идеологические-культурологические кружки в советское время. В катакомбы уходили не только церковники, но и светские гуманитарии, желавшие самостоятельно мыслить и творить. А советские органы, несравненно более обильно и глубоко прослеживавшие жизнь частных людей, чем царский режим, крайне нервозно относившиеся к любого рода сепаратизму ("Кто не с нами, тот против нас"),

обрушивали на вполне невинные и аполитичные кружки всю мощь своих репрессий (ср. судьбу молодого Д.С.Лихачева).

Невельский "кружок" Бахтина представляет собой одну из первых небольших групп, пытавшихся отделиться от господствующей идеологии и отличавшихся не только творческими талантами его членов, но и мировоззренческим единством и привязанностью, глубокой и прочной, друг к другу (дружественные отношения, кажется, особенно связывали Бахтина с М.И.Каганом). И, подобно другим несоветским культурологическим кружкам, он с самого начала вызывал идеологический гнев "советских" деятелей, и, если бы он просуществовал в Невеле еще несколько лет, вряд ли его члены уже тогда остались бы на свободе. Но, впрочем, позднее каждый из членов бахтинского кружка испытал тяжелые гонения. А все существовавшие тогда "сепаратные" кружки были разгромлены уже в первом десятилетии советского строя.

Кружки, подобные бахтинскому, были одиноки в "сходной", как будто бы не чужой интеллигентской среде: например, несомненна чуждость формалистов и бахтинистов, объясняемая целым рядом причин (разное отношение к религии, к христианству, к идеологическому содержанию культуры и т.д.).

БЫЛА ЛИ "НЕВЕЛЬСКАЯ ШКОЛА"?

Термин "Невельская школа", предложенный питерским исследователем Н.И.Николаевым (см.: Николаев Н.И. Невельская школа философии (М.М.Бахтин, М.И.Каган, Л.В.Пумпянский в 1918—1925 гг): По материалам архива Л.В.Пумпянского.— В кн7: М.М.Бахтин и философская культура XX века. Проблемы бахтинологии. Выпуск первый. Под ред. К.Г.Исупова. С.—Петербург, 1991. Часть 2-я, с. 31—43) не получил покамест поддержки как именно термин. Для этого есть основания: 1) "школа" не была такою в привычном смысле: не заявляла о себе, не была известна вне узкого круга; в известном смысле слово "школа" применительно к науке и особенно к философии вообще малоупотребительно в России, где более типичной формой собеседования — сомыслия являлся — до революции и после — просто "кружок"; 2) составлявшие невельский кружок лица очень различны как персонально, так и в качестве мыслителей, исследователей, "героев-идеологов", если угодно; если нечто подобное "школе" могло бы быть,— все же это не сбылось, не состоялось, без преемственности нет школы мысли, даже если мысль или образ мысли где-то и когда-то имели место. Все это, не говоря уже о недостатке материалов и невозможности (до 90-х годов) гласного обсуждения, создает трудности и вызывает сомнения в связи с понятием "Невельская школа".

В нашем докладе мы пытаемся показать, в каком смысле и в какой мере термин, предложенный Н.И.Николаевым, продуктивен как внутри бахтинистики, так и за ее пределами, в философском и социокультурном контексте XX века в его целом и, следовательно, в незавершенном контексте "постсовременной современности".

Термин "Невельская школа", как нам кажется, продуктивен в двух основных значениях: историко-культурном и научно-методологическом. Но разделение обоих аспектов, исторического и теоретического, аналитически корректное и оправданное, не вполне корректно по отношению к самому "конкретно историчному" (по терминологии М.М.Бахтина) предмету.

"Невельскую школу" следует отличать (но не отрывать) от так называемого "круга Бахтина"; это отличие даст чувство-

вать семантическую разницу между понятиями "круга" (или "кружка") и "школа". Невельская школа — философская школа: комплекс некоторых общих предпосылок, проблем и задач, сблизивших во многом очень разных людей в определенном месте (г. Невель), в определенное время, о котором сказано в романе М.А.Булгакова: "Велик был год и страшен год по рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй". В этом смысле Невельская школа — это прежде всего определенное событие для самих участников (и соучастников) ее.

В этом — событийно-временном — измерении Невельская школа — это "школа" в изначальном и "неофициальном" смысле этого слова: в смысле со-беседования, совместного продумывания теоретико-философских проблем истории, социологии, эстетики, этики, религии. Как бы мы ни называли такое содружеское сомыслие начинавших свой творческий путь трех индивидуально резко выраженных людей, — самый факт невельской встречи предполагает некоторое по терминологии Бахтина, "мы-переживание". Не случайно почти случайная встреча в Невеле не осталась только эпизодом прошлого для Бахтина, Кагана и Пумпянского, как ни различно сложились пути каждого уже в 20-е и потом в 30-е годы.

Таков первый смысл термина "Невельская школа" — биографический, историко-культурный, историко-философский. Под этим углом зрения и независимо от самого термина то, что в него вкладывается, стало уже сейчас предметом исследований внутри бахтинистики, отечественной и зарубежной (исследования М.Холквиста, Н.И.Николаева, Б.Пула, Р.Коутс и др.). Во втором значении "Невельская школа" и это уже нечто иное, большее, чем только историческое или только историко-философское событие; это — программа преобразования и развития гуманитарного мышления, исторически не востребованная, но как раз в наше время как бы вдруг оказавшаяся "актуальной". Основные установки этой, незафиксированной и неофициальной "программы" таковы:

1. Для "невельских когенианцев" (Н.И.Николаев) характерна ориентация на "систематическую философию", заданную в системах Канта и Когена. Ср.: "(...) только систематическое определение в смысловом единстве культуры преодолевает фактичность культурной ценности". — Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 9. При этом Бахтин преобразовывает классическое понятие "системы", возвращаясь от Когена к Канту с его понятием "архитектоники разума", но идя дальше Канта, обогащая и Канта и Когена в направлении понятия "конкретной систематичности".

2. Неприятие и критика **метафизики** во всех ее разновидностях (как идеалистических, так и материалистических. Ср.: "Метафизика — происхождения не философского, а эстетического. Самый замысел метафизики — воспроизвести картину

мира — никакого отношения не имеет к замыслам чисто философского порядка...". — Пумпянский Л.В. Поэзия Ф.И.Тютчева.— Вн.: "Ур.чния. Тютчевский альманах". Л. "Прибой", 1928, с. 19. В контексте этой тенденции Невельской школы может быть понята методическая и систематическая критика ее участниками, с одной стороны, западного рационализма ("теоретизма", но Бахтину) и иррационализма ("абсурд современного дионисийства" — Бахтин), с другой — отталкивание от отечественных (связанных с германскими влияниями) традиций интуитивизма, "религиозно легкомысленной" платонизирующей метафизики "софиологов", а также от не менее легкомысленного индивидуализма, анархизма и ницшеанства на русской почве.

3. Проблематизация "жизни" и философии жизни в плане "нравственной реальности" и основополагающего для Невельской школы понятия "ответственности", то есть действительной ориентации человека в событии, с другими, без слияния, но и без демонстративного "разрыва" с обществом, с историей, с традициями культуры. Ср.: (...) героизм культуры требует от нас индивидуальной ответственности в нашей работе пред культурой и историей. Ответственность эта возможна в нашем скромном установлении себя в нужде". — Каган М.И. Как возможна история? (Из основных проблем философии истории). — В кн.: Записки Орловского гос. у-та. Орел, 1921, с. 179.

4. Проблематизации понятия "история" и категории историчности по ту сторону абстрактного "теоретизма" и "диалектического формализма" (выражение Г.Когена о Гегеле). Ср.: "Мы снова и снова начинаем жить исторически. Это процесс, открытый для постоянно обновляющихся возможностей (...) Реально — история начинается всегда". — Каган М.И. О ходе истории". Цит. по: Каган Ю.М. Люди не нашего времени. — В кн.: Бахтинский сборник. 11. М., 1991, с. 94—95. В терминах Бахтина: история — не эстетика эпоса и не диалектическая схема понятия, она социальна не только и не столько на "официальном", сколько на "неофициальном" — человечески-участно-созидающем уровне.

5. Проект постклассической неформалистической философской эстетики и теории литературы. Ср., в частности проект новой истории литературы у Л.В.Пумпянского в ответ на "требования смежных наук": "Цель — достигнуть наиболее научного из возможных ныне суждений. Принципиальный энциклопедизм гипотез, быть может, перемена метода от писателя до писателя; монографическое уединение писателя, большее, чем следовало бы в законченной "истории литературы"; скорее энциклопедия проблем, связанных с каждым моментом литературы, чем действительная ее история". — Пумпянский Л.В. К истории русского классицизма (поэтика Ломоносова). — В кн.: "Контекст. 1982". М., "Наука", 1983. с. 307.

6. Разработка оригинально философии смеха и праздника. Здесь, помимо известной книги Бахтина о Рабле, нужно указать на то, что основные идеи, относящиеся к этому ряду тем, были сформулированы уже в 1919 - 1923 гг., т.е. фактически, на основе общего контура идей Невельской школы. Так, книга Л.В.Пумпянского о Гоголе (не опубликована пока полностью), написанная в 1924 г., уже содержит ходы мысли, знакомые нам по более поздним работам Бахтина. То же самое можно сказать о проблематизации праздника, например, в статье М.И.Кагана "Два устремления искусства" (1923; не опубликована).

7. Создание новой, принципиально постсимволистской и постреволюционной концепции творчества Ф.М.Достоевского; ее разрабатывали М.М.Бахтин и Л.В.Пумпянский в плане социологической эстетики (у Л.В.Пумпянского) и "социологической поэтики" (в известных нам втором и третьем вариантах книги Бахтина, Соответственно 1929 и 1963 гг.). Ср. Концепцию "Эстетического помешательства" героя Достоевского у Л.В.Пумпянского с "относительной свободой" героя-идеолога в произведениях Достоевского в концепции Бахтина и близкие для обоих, Бахтина и Пумпянского, выводы социологического порядка о русской интеллигенции. "Отрицающая интеллигенция вся есть в этом смысле проекция неудачи русского вымысла".— Пумпянский Л.В. Достоевский и античность. Пг, "Замыслы", 1922, с. 18).

Таким образом, если в плане конкретно исторического события Невельская школа "оказала влияние" в основном только на каждого участника ее, как участника именно, то в плане программы исследований по философии, социологии, истории культуры, эстетике, теории и истории литературы, методологии гуманитарных наук и т.п.— Невельская школа "была" постольку, поскольку мы сумеем в каком-то обозримом будущем реконструировать и развить эту программу или программы в контексте современных проблем научного и общественного сознания.

В режиме апофатического чтения

1. Многие противоречия методологического Органона Бахтина и отсутствие в его картине мира последних выводов может быть в какой-то мере объяснено косвенной причастностью мыслителя к восточной традиции апофатики. Современная бахтинистика постепенно приходит к необходимости амбивалентного чтения (Н.Бибихин, Л.Логотышвили, Н.Библер). Амбивалентное чтение применимо к текстам, построенным на неочевидной апофатической логике. Это вспять-чтение, диктуемое вспять-текстами. Комментаторская традиция не раз сталкивалась с необходимостью "обратного" чтения текста, результатом которого предполагалось извлечение исходной семантики, не отрицающей до конца смыслов первого плана, но перекрывающей их (не без остатка). "Мерцание" второго смыслового плана обеспечено не механизмами пресловутого "эзопова языка" или очевидной иронии (самоиронии), автора, оно укоренено в самом "письме" как исходный принцип; болезнью "письма" это может показаться только тому, кто не испытал семантических преимуществ апофатической словесности (яркий пример апофатической аргументации — концепция "превращенных форм" М.Мамардашвили, отысканная якобы у К.Маркса). Так, и "Антихриста" Ницше современный комментатор (К.А.Свасьян) предлагает читать "против течения".

2. Центральная апофаза народной жизни для Бахтина — это смеховая инициация. Смех древнее религии как организованной веры в трансцендентные ценности. Смех для Бахтина — это принцип апофатического прорыва бытия внутри дальнего бытия, как молитва есть порыв к горнему в богообщении "соборный смех (параллель к молитве всей Церкви)". Так возможен оксюморно (имманентно апофатические) феномены: пасхальный смех, святое чудачество. Можно спорить с высказыванием Бахтина о том, что смех есть проявление нового. В своей "похоронной" роли он может означать лишь идею вечного обновления, но сам по себе — как апофатический контраргумент наличных форм бытия — не утверждает, но отрицает по преимуществу. Смех родился до совести, стыда и чести, на границе первых запретов культуры, в эпоху Прометея, и сохранил энергию человекобожеского прометеизма до наших дней. Смех соединяет людей во времени и на время, а религия и

Церковь в вечности и навек. "Смех вводит внесмысловой (самодостаточной) горизонтальной витальности; в молитве создается трагически напряженная вертикаль богоощущения. В смехе дана простейшая апофатика своеволия; в религии идея вышней мета-Воли, т.с. Промысла. Но внутри неотменяемого бытия и смех, и молитва выражают, по Бахтину, онтологическую надежду на бессмертие. В этом двойном отрицании смерти (проницании и просветлении смертного мрака) они достигают функциональной полноты своего метафизического двуединства.

2. Когда Бахтин позволил себе реплику "И Евангелие — карнавал" (в передаче В. Турбина), он, видимо, предполагал, что его собеседник окажется достаточно адекватным, чтобы не понять в том смысле, что "Голгофа — это карнавал" (тогда и Освенцим — карнавал). Подразумевалось: "Карнавал — это тоже (но не та же) Благая весть для его участников". Но, поскольку мотив шутовского увенчания снижения "Царя Иудейского" действительно актуален для прямого прочтения соответствующих эпизодов Писания, то реплика Бахтина получает взаимную обратимость, не отрицая ни сакральной значимости христианского предания, ни амбивалентной семантики Писания.

3. Бахтину в истории родной культуры предшествовал богатый опыт создания вспячь-текстов. Их авторами были, в основном, писатели, в чьем сознании и поведении еще жила традиция творческого юродства. Классик апофатической словесности, воплощенный каприз самоотрицания, В.Розанов, писал в 1895 г. о П.Я.Чаадаеве: "Письмо Чаадаева нужно читать, как древние восточные манускрипты, от конца к началу, понимать его обратно тому, что он хотел в нем сказать"* . Образы русского Загробья в "Мертвых душах" созданы в поисках души живой; Л.Толстой громил церковность во имя чистоты религиозного мироощущения; у героев Достоевского нет иного пути к истине и внутренней святости, кроме дороги греха и преступления (на ней же стоит и кн. Мышкин — герой трагической вины); чрез искус дьявольского Красного Цветка идет к добру Гаршин; в центре безнадежно запуганного бытия героями Чехова воздвигнута идея освящения жизни. Через трагическую апофатику приходят к своим картинам мира В.Соловьев и П.Флоренский, Н.Бердяев и Л.Карсавин, Д.Мережковский и А.Белый, С.Булгаков и В.Ильин, А.Мейер и Я.Друскин. Место Бахтина в этих рядах можно определить только "апофатически". Это место творческого "нигде", преимуществом которого русский мыслитель предполагал еще одну — и тоже апофатическую — возможность: **молчание**.

* Открытое письмо г. Алексею Веселовскому // Русское обозрение. 1895. Сентябрь. С. 909.

4. Бахтин, разделивший тишину (в природе) и молчание (в социуме), построил в 20-е гг. теорию итонации, в соответствии с которой любое произнесенное слово есть чужое, цитатное, "изображенное". В эпоху, когда культивировались сказ и речевые маски, предметный символизм и квазипародии прутковского типа, бытовое ряжение и мифологизация поведения, Бахтину ничего другого и не оставалось, как разлучить внелингвистические ценности и научную лингвистику, превратив последнюю в карикатуру (по точному замечанию В.Бибихина). Релятивизм готовых методологий совпал по времени с девальвацией высказывания как такового. Бахтин — наследник приоритетного слова, т.е. слова в первый раз говорящего последнюю правду, — был свидетелем разрыва слова и правды. Если же правда доступна только апофатическому постижению, то она должна избрать, внесловесную форму. Такой формой и становится авторское безмолвие, прототип которого усмотрен Бахтиным в творческом поведении Достоевского: он один молчит в мире своих неустанно говорящих героев; но молчит он "красноречиво", как Христос перед своим ночным собеседником — Великим Инквизитором (ср. косноязычие героя как антитезис "гладким, правдивым речам" в "Идиоте", во "Власти тьмы", в "Петербурге"...). Автор облачается в молчание, это — последний шанс созерцать истину непосредственно, это — последний поступок, возвращающий человека в чистое, свободное бытие. Карнавал знаменует торжество и праздник вечной юности посреди доисторического бестрагедийного бытия, и Молчание для Бахтина было апофатическим вызовом тотальной лжи, обороненной словом, и даже личным жизненным выводом: для саранского отшельника Мордовия стала Оптиной пустыней. Как философ он замолчал; как автор — влачил полуанонимное существование. Молчание Бахтина перекрыло самые горластые школы века, но переучило ли **их** говорить? Впору спросить теперь голосом лирической героини А.Ахматовой: "Как их молчать заставить?"

Л.В.ПУМПЯНСКИЙ В ВОЛЬФИЛЕ.

Лев Васильевич Пумпянский (1891—1940) — философ и литературовед (именно в такой последовательности расставила вехи его судьба) в 1918—19 гг. начинал в Невеле, в небольшом кружке таких же молодых Любомудров, как и он сам,— М.М.Бахтина и М.И.Кагана¹, осенью 1920 года он перебрался в Петроград, где получил значительно большее пространство для самовыражения. К этому времени популярность Вольной Философской Ассоциации², была велика, и Пумпянский подал заявление о желании стать членом-соревнователем Ассоциации. Более того, он предложил вести курс по философии культуры, но этому начинанию не суждено было осуществиться. И все же вскоре Л.В.Пумпянский стал одной из заметнейших фигур в ВФА. В течение 1921 года он читал доклады "Философия трагедии" (LXIV заседание, 13 февраля); "Размышление о "Ревизоре" Гоголя" (24 мая); "Достоевский и античность" (LXXXVI заседание, 2 октября); "Чистилище и рай" (CVIII заседание, 26 ноября); "О героической морали" и "Об антропософии" (даты не установлены); выступал официальным оппонентом по докладу Д.Д.Михайлова "Естественнонаучные взгляды Гете", участвовал в беседе по теме "Наполеон" (LXXI заседание, 22 мая) и других заседаниях Ассоциации.

Пожалуй, наиболее заметным выступлением Пумпянского в Вольфиле стал доклад "Достоевский и античность", открывший цикл заседаний, посвященных 100-летней годовщине со дня рождения Ф.М.Достоевского³. Если кратко суммировать выраженные здесь взгляды, то их пафос — примат эстетического над историческим и этическим — выразился в тезисе: "поэтика, а не психология". Основной причиной конфликта "между реальностью истории и иллюзорностью персональности" Пумпянскому представлялась "нравственная реальность", введенная автором "в круг эстетического вымысла". Для разрешения этой коллизии, автору предлагалось "притвориться помешанным" — встать на позиции "героя", выстроить такой освященный поэзией мир, осмысление которого могло бы привести к оправданию реальности "первого порядка" — исторической и политической. Впрочем, повседневность Пумпянского особо не интересовала; она виделась "сном-действием", снящимся поэту, орга-

низывать который по законам поэтики и значило соответствовать уже не столько своему времени, сколько вечности.

Отстранение от современности не могло не быть инверсным по отношению к взглядам организаторов Вольфилы Иванова-Разумника, Конст. Эрберга, А.З.Штейнберга), для которых любая поэтика была отражением действительности во имя целесообразной деятельности человека. Смысл — центральная категория мировоззренческих и творческих поисков — и виделся им порождением индивидуального самосознания, а этическое наполнение событий — предназначением человека в историческом процессе.

В стремлении к диалогу с жизнью, а не с собственным сознанием и заключался источник перманентного столкновения руководства Вольфилы с Л.В.Пумпянским, которое, в конечном итоге, разрешилось уходом последнего из Ассоциации. Уже со второй половины апреля 1922 года фигура Пумпянского исчезает из числа участников вольфильских заседаний. Отголосок "ухода" Пумпянского из Вольфилы можно найти в письме Иванова-Разумника ("товарища председателя" ВФА) А.Белому — председателю Вольфилы, осенью 1923 года, после двухлетнего пребывания в Германии вернувшемуся на родину: "С треском вылетел Л.В.Пумпянский, после большого скандала на заседании; этому я тоже был рад, так как он, хотя и тонкий и кружевной, но очень противный в самой своей сути, православный иезуит из еврейских выкрестов"⁴.

Поводом для "скандала" стал доклад Л.В.Пумпянского "О нравственном и умственном состоянии современной России", чтение которого состоялось на заседании президиума Ассоциации ("малой Вольфиле") в понедельник, 2 апреля 1922 года. Доклад перерос в открытое столкновение автора и ученого секретаря Ассоциации — А.З.Штейнберга. Оба они — схожие и возрастом, и происхождением — были полными антиподами. Представляя одно "поколение на повороте" (выражение Л.Я.Гинзбург), они воспроизводили не только разные мировоззренческие ориентации внутри этого поколения, но и последующие их судьбы.

Вольфила не стала "орденом" и "законом": она оказалась тем "перекрестком", с которого одни ушли в эмигранцию, другие — в "тюрьмы и ссылки", третьи — в относительно благополучную келью "поэтики" и литературоведения. Философия в советскую эпоху становилась делом социально подозрительным и индивидуально опасным. Эстетика "отстранилась" от этики, и такая позиция могла быть вполне понята как способ приспособления к действительности (надо же было как-то существовать), но вряд ли она могла быть принята (и тогда, и сейчас) как оправдание самой действительности.

**Благодарю за поддержку настоящей темы Российский Фонд
Фундаментальных исследований.**

- 1 См.: М.М.Бахтин и М.И.Каган. По материалам семейного архива (Публ. К.Невельской) // Память. Исторический сборник. Вып 4. Париж, 1981. С. 249—281; Лекции и выступления М.М.Бахтина 1924—1925 гг. в записях Л.В.Пумпянского (Публ. П.И.Николаева // М.М.Бахтин как философ. М., 1992. С. 221—252.
- 2 См.: Р.В.Иванов-Разумник о Петроградской Вольфиле 1921—1923 гг. (Публ. Я.В.Леонтьева) // Вопросы философии. 1993. N 12. С. 69—77.
- 3 Доклад был положен в основу одноименной книги, вышедшей в 1922 году в петроградском издательстве "Замыслы".
4. Р.В.Иванов-Разумник о Петроградской Вольфиле 1921—1923 гг. С. 72.

К.Л.Гущина. Высшее Театральное Училище им. Б.П.Щукина. Москва.

ИДЕИ БАХТИНА И ПРОБЛЕМЫ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

М.М.Бахтин — универсальный мыслитель, его идеи имеют приложение в разных областях знания. И при этом наследие Бахтина отличается удивительной композиционной целостностью и единством.

"Искусство и ответственность" — статья раннего периода творчества Бахтина (Невель, 1919), написанная совсем молодым автором, содержит идеи, методологически значимые для философии языка и философии культуры нашего времени.

"Три области человеческой культуры — наука, искусство, жизнь — обретают единство только в личности, которая приобщает их к своему единству"¹. Личность как всеединство, личность, ответственная за свои действия. "Единство ответственности": личность соприкасается с "другой личностью", с "другим я", с "другой ответственностью", не подчиняя "другого" себе, но и не разрывая ответственность "я" и "другого", важно не только мое слово, но и слово "другого"*.

Личность как всеединство, личность, ответственная за свои действия. "Единство ответственности": личность соприкасается с другой личностью", с "другим я", с "другой ответственностью", не подчиняя "другого" себе, но и не разрывая ответственность "я" и "другого", важно не только мое слово, но и слово "другого".

В плане сопоставления методологических принципов Бахтина с положениями современной аналитической философии представляет интерес социокультурная теория искусства Дж. Марголиса (американская ветвь аналитической философии**). Суть подхода Марголиса к проблеме искусства в том, что оно иссл-

*Бахтин М.М. Искусство и ответственность / Эстетика словесного творчеств.- М., 1986.— С. 5.

**Марголис Дж. Личность и сознание.— М., 1986. Margolis J/ Art and Philosophy. – L; N.Y., 1980

дается в ряде культурных явлений. (В статье 1924 года "Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном произведении" Бахтин показал методологию изучения произведения искусства в системе культуры). Единым началом всех культурных явлений выступает личность: "тело человеческой истории и культуры" составляет личность и результаты ее духовно-практической деятельности, язык. Личность лингвистически компетентна, способна к интенциональной языковой деятельности и в качестве активного субъекта культурной деятельности ответственна за нее. Разнообразие культурных явлений сводимо к общему принципу, в основе которого — единство личности и продуктов ее деятельности: они созданы в соответствии с правилами, которым следует личность. В соответствии с ними явления культуры и должны быть интерпретированы. В этом "внутренняя интенциональность" явлений культуры.

В характеристиках личности (языковая компетентность, интенциональность, активность субъекта речи), сформулированных Марголисом, явлена традиция философии языка, идущая от Витгенштейна: высказывание — действие; интенциональность и конвенциональность — условия диалога речевых субъектов в ситуации "языковой игры"; два типа правил, управляющих языковой практикой — регулятивные (общепринятые) и конститутивные (нестандартные формы речевого действия).

Бахтин рассматривал речевой акт как творческий процесс, когда "говорящий" употребляет "нормативно тождественную" языковую форму, но в конкретном контексте использует ее конститутивно. "Для говорящего языковая форма важна не как устойчивый и всегда себе равный сигнал, а как всегда изменчивый и гибкий знак". "Субъективное сознание говорящего" учитывает точку зрения собеседника, чтобы быть понятым. "Может быть именно здесь вступает в силу нормативная тождественность языковой формы?"** как условие взаимопонимания. Бахтин говорит о возможности согласования застылых "нормативно-тождественных языковых форм" и "действительной точки зрения говорящего сознания", ибо субъекты речевого общения имеют дело "с языком — речью, в смысле совокупности возможных контекстов употребления данной языковой формы"***.

В приведенных рассуждениях Бахтина заключен ряд важных и продуктивных идей, которые он разрабатывал и в последующие годы: о понимании высказывания в контексте диалога, об активности субъекта диалога, способного не просто к "узнаванию" стандартного "того же самого", но способного уловить

* Бахтин М.М., (Волошинов В.Н.). Марксизм и философия языка.— Л., 1929.— С. 81

**Там же

***Бахтин М.М. (Волошинов В.Н.) Марксизм и философия языка.— С. 83

новизну, некую непредсказанность интенции собеседника. Другой темой, логически связанной с темой понимания замысла автора (собеседника), выступает у Бахтина тема значения.

Может ли один и тот же текст выражать разные значения? Ответ Бахтина: "Множественность значений — конститутивный признак слова"*. Значение слова раскрывается в зависимости от ряда факторов, но прежде всего: "Смысл слова всецело определяется его контекстом. В сущности, сколько контекстов употребления слова, — столько его значений"** . Эта мысль созвучна витгенштейновской. "Значение слова есть его употребление в языке". Для развития этой идеи Витгенштейн ввел понятие "языковой игры" — определенная языковая ситуация, лингвистический контекст, предполагающий парадигматическое слоупоупогребление. "Всегда спрашивайте себя каким образом мы узнали значение этого слова... из какого рода примеров? В каких языковых играх?"***.

Сопоставление положений Бахтина и представителей аналитической философии ("философии языка") показывает, что уже в ранний период Бахтин выдвинул идеи методологического уровня, определившие или предвосхитившие перспективу движения научной мысли.

*Там же.— С. 121.

**Там же.— С. 95

***Wittgenstein L. *Philosophical investigations*. — Oxford., 1967.— §77

**Документы Великолукского филиала Госархива Псковской
области — источник по изучению общественно –
политической ситуации в Невельском крае в 1918—1920
годах.**

Исследование неveltского периода жизнедеятельности Михаила Михайловича Бахтина невозможно представить без тщательного изучения и анализа общественно-политической и социально-культурной обстановки, сложившейся в Невеле и Невельском уезде на рубеже 10—20-х годов XX столетия.

Как известно, город Невель и Невельский уезд в 1918—1920 годах территориально входили в состав Витебской губернии Белоруссии, а потому значительная часть официальных документов, связанная с историей Невельского края за этот период, отложилась в архивных фондах губернских учреждений. В настоящее время они хранятся в Государственном архиве Витебской области*.

Однако познать этот небольшой в историческом плане отрезок времени истории Невельщины, в определенной степени, представляется возможным и с помощью документов, хранящихся в Великолукском филиале Государственного архива Псковской области. Здесь сосредоточены документы государственного архива Псковской области. Здесь сосредоточены документы государственных учреждений, прежде всего органов власти, действовавших на территории Невельского уезда.

Некоторая часть этих документов уже задействована исследователями. Однако в силу известных причин их использование при освещении тех или иных событий носило не всеобъемлющий всесторонний характер, а имело ярко выраженную идеологическую направленность, что неприемлемо для объективной оценки исторического прошлого в современных условиях.

В 1963 году в издательстве газеты "Псковская правда" 1000-м тиражом был выпущен путеводитель "Государственный архив Псковской области", куда вошла и частично аннотиро-

*" Государственные архивы СССР, Справочник. 2 часть, М. Мысль, 1989, с. 29—31

ванная информация о документах архивных фондов, хранящихся в Великих Луках. Комплекс документов периода 1918—1920 годов, раскрывающих общественно-политическую жизнь Невельского края представлен следующими фондами:

р-107 — Исполнительный комитет Невельского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

р-108 — Невельский уездный военно-революционный комитет.

р-692 — Невельский уездный комиссариат по военным делам.

р-346 — Управление Невельской уездной Советской рабоче-крестьянской милиции.

р-608 — Отдел народного образования Невельского уисполкома.

р-443 — Земельный отдел Невельского уисполкома. р-664 — Отдел социального обеспечения Невельского уисполкома.

р-410 — Финансовый отдел Невельского уисполкома.

р-504 — Невельский уездный продовольственный комитет.

р-395 — Отдел коммунального хозяйства Невельского уисполкома.

р-382 — Совет народного хозяйства Невельского уисполкома.

р-1303 — Управление по эвакуации населения при Невельском уисполкоме.

р-774 — Невельское уездное бюро профсоюзов.

И некоторыми другими фондами.

В фонде уисполкома широко представлены документы вышестоящих органов власти, имеющие отношение к деятельности уисполкома. Особую значимость имеют документы самого уездного исполкома: постановления и протоколы заседаний, документы о проведении различных массовых компаний ("Недели трудового фронта", "Топливной недели" и других), отчеты о деятельности волисполкомов.

В наше время представляют интерес списки зарегистрированных безработных по Невельскому уезду в первый год Советской власти, документы 1919 года о регистрации бывших помещиков и капиталистов, заявления и жалобы граждан на должностных лиц, уисполкома.

Город Невель и Невельский уезд в 1918—1920 годах почти постоянно находились в прифронтовой полосе, это обусловило существование здесь чрезвычайных органов власти — военно-революционных комитетов, которые заменяли в тот период соответствующие исполкомы. В фонде наряду с обязательными постановлениями, приказами увоенревкома отложились специфические документы — планы и сведения эвакуации города Невеля за 1918—1920 годы, списки эвакуируемых лиц, матери-

алы о выселении из пределов уезда неблагонадежных в политическом отношении людей и акты конфискации их имущества.

В нашем случае при изучении означенного периода наиболее информативными источниками могут оказаться документы архивного фонда уездного отдела народного образования, который тогда осуществлял руководство не только народным образованием в уезде, но и заведывал общеуездными просветительными учреждениями.

Протоколы уездных съездов школьных работников, заседаний УОНО и ВолОНО, собраний школьных работников города Невеля. Педсоветов Свенцянской мужской гимназии и Невельской частной женской гимназии, учительской семинарии, высшего начального училища, школьных советов и школ 1 и 2-ой ступеней и других учебных заведений дают образное представление о состоянии школьного дела в невелиском крае в первые годы Советской власти.

Значительный комплекс в фонде составляют документы по личному составу — списки, анкеты, удостоверения учителей, работников народного дома, театрального дела, библиотек, учреждений соцвоспитания и ведомости на выдачу им зарплаты. В документах данного архивного фонда содержатся сведения о педагогической деятельности в невелиский период жизни М.М.Бахтина.

Если документы УОНО позволяют создать наглядную картину состояния образования в послеоктябрьский начальный период, то документы архивного фонда уездного Совета народного хозяйства раскрывают послеоктябрьскую ситуацию, сложившуюся в местной промышленности и торговле. Здесь сосредоточены документы на выдачу промысловых свидетельств на промышленные и торговые предприятия, отчеты об их деятельности, национализации и постановке на учет частных заведений. Имеются списки граждан, занимающихся кустарными промыслами.

(Послеоктябрьский процесс взаимоотношений в невелиской деревне можно проследить по документам уездного земельного отдела, созданного 17 апреля 1918 года. Он осуществлял работы по обследованию, оценке и взятию на учет земли и имущества бывших помещиков, подлежащих выселению из пределов Невельского уезда, реализовывал бесхозные постройки уездного назначения, проводил закон о социализации земли в жизни.

В фонде имеются акты и описи о принятии на учет частновладельческих и церковных имуществ, их распределении среди крестьянства, сведения о состоянии садоводства и пчеловодства в волостях, дела об организации на базе помещичьих имений сельскохозяйственных коммун, совхозов и других коллективных хозяйств.

Для исследования круга друзей М.М.Бахтина и Невеле представляют интерес и документы уездного отдела здравоохране-

ния. К сожалению, малая их сохранность не даст возможности в полной мере проследить профессиональную и общественную деятельность знакомых Бахтина из медицинских работников, определить их отношение к происходящим событиям.

Однако целостное и подробное изучение находящихся на хранении в Великолукском филиале Госархива Псковской области документов архивных фондов органов власти, государственных учреждений города Невеля и Невельского уезда позволяют наглядно представить политико-культурную ситуацию, сложившуюся здесь в конце десятых — начале двадцатых годов времени жизнедеятельности выдающегося русского философа, литературоведа и культуролога М.М.Бахтина.

Паньков Н.А. Витебский государственный педагогический институт.

Невельский период биографии М.М. Бахтина: но страницам архивных материалов

Документы о невельском периоде жизни М.М.Бахтина, введенные в научный обиход, пока что крайне скудны. Между тем пребывание в Невеле оказалось весьма существенным этапом биографии мыслителя, этапом который необходимо исследовать с максимальной основательностью. К сожалению, конец 1910-х годов — это время, во-первых, уже довольно отдаленное, а во-вторых, очень напряженное (гражданская война, послереволюционный хаос). Ситуация усугубилась катаклизмами Великой Отечественной войны. В итоге сохранность архивных материалов той поры оставляет желать лучшего. Но все же некоторые материалы дошли до наших дней, чему доказательством моя экспедиция в Великолукский филиал Госархива Псковской области, совершенная в конце 1992 года. Отмечу лишь "избранные" их аспекты и страницы.

Мной просмотрены все дела из фонда Отдела народного образования Невельского уездного исполкома Совета рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов, относящиеся к 1918—1920 гг. Сохранившиеся документы позволяют составить более отчетливое представление о сложной эпохе, о Невеле тогдашних лет, о жизни и работе молодого Бахтина и его друзей (Л.В.Пумпянского, М.И.Кагана, Б.М.Зубакина, В.Н.Волошинова), о пережитых ими трудностях. Детали немногочисленны, но нередко выразительны и колоритны и уточняют обстоятельства невельского периода биографии Бахтина.

В одной из папок нашлась собственноручно заполненная М.М.Бахтиным краткая анкета (ф. Р-608, оп. 2, ед. хр. 16, л. 20), в которой он указывает, что уже до революции пришел к преподавательской деятельности. В "Сведениях о школьных работниках и работницах Невельской Советской Единой трудовой школы 1-ой ступени" мы можем прочитать, что Бахтин датирует начало своей учительской деятельности январем 1916 года, а начало своей работы в Невельской трудовой школе — октябрём 1918 года (там же, л. 89 об.).

Самым большим по объему из фонда Р-608 является дело N 4, которое фиксирует процесс превращения Свенцянской муж-

ской гимназии в одно из "подразделений" Невельской трудовой школы. Протоколы заседаний педсовета доносят до нас бурную атмосферу 1918—1920 годов, когда люди в борениях и противоречиях мечтали о построении новой жизни и с энтузиазмом стремились реализовать эту мечту.

Надо сказать, что Бахтин активнейшим образом участвовал в этой работе, вел много занятий, был председателем президиума школьного совета 1-ой ступени, состоял в нескольких комиссиях. Время унылого и безнадежного монологизма тогда еще не наступило, и голос Бахтина звучал относительно свободно, даже если высказываемое им противоречило официальным установкам властей. Приведу лишь один пример (фрагмент из протокола от 29-го октября 1918 г.); "Что же касается предложения тов. Ширякова о введении новой науки о социализме, то, в виду заявления тов. Бахтина, что, при прохождении социологии придется детально рассматривать и историю социализма, а потому и нет надобности учение о социализме выделять в особый предмет, собрание постановило: принять предложение тов. Бахтина" (ф. Р-608, оп 71, ед. хр. 4, л. 74).

Разумеется, архивные разыскания в Великолукском филиале гос. архива Псковской области необходимо продолжить. Вполне возможно, что там исследователей биографии М.М.Бахтина ждут важные открытия.

О НЕКОТОРЫХ МОМЕНТАХ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
М.М.БАХТИНА В САРАНСКЕ

Жизнь М.М.Бахтина в Саранске можно поделить на два этапа: первый: 1936—1937; и второй: 1945—1969 годы.

Первый приезд М.М.Бахтина не был продолжительным. Проработав в Мордовском госпединституте один учебный год он был вынужден оставить Саранск. Вот некоторые фрагменты пребывания М.М.Бахтина в столице Мордовии в 1936—1937 годах:

- 1936, сентябрь — по рекомендации профессора П.Н.Медведева М.М.Бахтин получает приглашение на работу в Мордовском пединституте.
- Октябрь — Бахтины в Саранске. Михаил Михайлович принят преподавателем всеобщей литературы и методики преподавания литературы на кафедре литературы Мордовского пединститута.
- 1937, январь март — в институте создается недоброжелательная обстановка: доносы, клевета, неоправданные увольнения и т.д. М.М.Бахтин невольно оказывается в круговороте событий. Его имя часто упоминается на заседаниях парткома и на партийных собраниях как человека, который "только что отбыл пятилетнюю ссылку за контрреволюционную работу".
- март, 10 — Бахтин пишет на имя директора института заявление, в котором сообщает, что ввиду резкого обострения болезни (хронический множественный остеомиелит), он не может больше продолжать работу в институте и просит освободить от занимаемой должности.
- июнь, 5 — М.М.Бахтин уволен с работы, но не по собственному желанию, а за "допущения в преподавании буржуазного объективизма".— новый директор института отменяет приказ об увольнении Бахтина за "буржуазный объективизм" и издает новый, в котором говорит-

ся: "преподавателя литературы т. Бахтина... от работы в институте освободить по собственному желанию. Основание: заявление Бахтина". Через день — два Бахтины покинули Саранск.

На этом завершился первый этап пребывания М.М.Бахтина в Саранске. Он вернулся сюда лишь в 1945 году, когда приказом по Наркомпросу РСФСР от 18 августа 1945 года был назначен и.о. доцента по всеобщей литературе Мордовского госпединститута "в порядке перевода из средней школы N 14 г. Кимры".

- 1945, сентябрь — увольнение из неполной средней школы г. Кимры и переезд в Саранск.
- октябрь — М.М.Бахтин назначен заведующим кафедрой всеобщей литературы Мордовского пединститута.
- 1946, ноябрь, 1-5 — защита кандидатской диссертации в ИМЛИ (г. Москва) по теме: "Рабле в истории реализма".
- 1947, февраль — приказом по Главному Управлению высших учебных заведений Министерства просвещения РСФСР М.М.Бахтин, к.ф.н., утвержден и.о. зав. кафедрой всеобщей литературы Мордовского пединститута.
- 1952 — М.М.Бахтин возглавляет объединенную кафедру: русской и зарубежной литературы.
- 1958 — М.М. Бахтин возглавляет кафедру русской и зарубежной литературы историко-филологического факультета Мордовского государственного университета (основан в 1957 г. на базе пединститута).
- 1961, август, 1 — выход на пенсию.
- 1963 — книга "Проблемы поэтики Достоевского", 2-е изд., переработанное и дополненное (М).
- 1965 — книга "Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса" (М).
- 1967, май, 30 — Постановление Президиума Ленинградского городского суда о реабилитации М.М.Бахтина.
- 1969 — М.М. и Е.А.Бахтины покидают Саранск и проходят курс лечения в Кремлевской больнице в Кунцеве (Москва).

**Устные воспоминания М.М.Бахтина в коллекции
фонодокументов Научной библиотеки МГУ**

Начиная с прошлого года в журнале "Человек" печатаются "Разговоры с Бахтиным"*, записанные в феврале — марте 1973 года научным сотрудником Московского государственного университета Виктором Дмитриевичем Дувакиным (1909—1982).

Записи бесед велись в домашних условиях на московской квартире М.М.Бахтина (ул. Красноармейская, д. 21, кв. 42) в присутствии М.В.Радзишевской**, которая работала с магнитофоном, фотографировала собеседников, а затем сделала первоначальную расшифровку фонозаписи. Состоялось 6 бесед: по времени это около 18 часов звучания.

В момент записи М.М.Бахтину было неполных 78 лет. Прошло всего чуть больше года после смерти Елены Александровны. И хотя 1973 год был более благополучным для него, чем предыдущий или последующие, объективно, его физическое и душевное здоровье было надорвано. Как вспоминает С.Г.Бочаров: "...это было время душевной угнетенности, наступившей после смерти жены в декабре 1971 года, и уже его не оставившей***". Все это местами ощутимо проступает в звукозаписи: вы слышите, как с трудом перебарывает он болезненные для него провалы когда-то абсолютной памяти, и вдруг, преодолев какой-то рубеж, с блеском разворачивает мучительно начатый пассаж, увлекая за собой силой мысли и мастерством рассказчика. И сегодня, спустя годы, поражает мощь его интеллекта, цепкая память.

Насколько нам известно, эта магнитофонная запись — единственная, где М.М.Бахтин с такой полнотой рассказывает о

*Журнал "Человек", 1993. NN 4—6; 1995. N 1, М. "Наука"

**М.В.Радзишевская как и В.Д.Дувакин, была сотрудником кафедры научной информации МГУ и помогала ему в проведении такого рода бесед

*** Журнал "Человек", 1993, N 4, с. 137

себе, своих родных и друзей, годах учебы, перипетиях своей нелегкой жизни, попутно размышляя о культурных событиях, свидетелем которых он был на протяжении более чем полувека. Это, конечно, заслуга В.Д.Дувакина, сумевшего "разговорить" М.М.Бахтина. В то время Виктору Дмитриевичу исполнилось 64 года, за его плечами был многолетний опыт исследовательской и педагогической работы в Университете. В начале 70-х годов он затеял невиданное по тем временам дело, решив создать "устную историю" русской культуры начала XX века, и был одержим этой идеей. В многочасовых беседах В.Д.Дувакин, как правило, ориентировался на биографию мемуариста, старался восстановить "вычеркнутые из историко-литературного контекста имена и события", неоднократно подчеркивая в разговоре, что он не журналист, у него другая задача: "сохранить для будущего живую атмосферу уходящей эпохи", "спасти то, что еще возможно спасти". Он неплохо разбирался в людях, хорошо знал культурную среду своего времени, был живым и непосредственным человеком. Все это, вероятно, подкупило М.М.Бахтина, который, как известно, не очень охотно шел на контакты с ретивыми журналистами, оснащенными новейшей техникой.

В.Д.Дувакин не ограничивал во времени своего собеседника, расспрашивал его достаточно пристрастно о многом, задавал вопросы иногда более удачно, иногда менее, что приводило к отступлениям, нередко уводящим в сторону от запланированной темы. Сегодня это может вызвать недоумение слушателей, однако, не следует забывать об особенностях устных бесед, их импровизационном характере. Благодаря В.Д.Дувакину мы как бы присутствуем при живой, достаточно непосредственной беседе двух современников, очень непохожих друг на друга, наглядно демонстрирующих на уровне разговорного жанра глубинную мысль одного из них о важности диалога, во время которого собеседники взаимно обогащаясь, сохраняют свою самостоятельность.

На протяжении всех бесед Михаил Михайлович неизменно доброжелателен. В своих оценках бывает ироничен, чаще — добродушно-снисходителен, вспоминая о друзьях — по-хорошему взволнован. Особая тема — чтение стихов М.Бахтиным. Это нужно слушать. Его голос неожиданно обретает силу, становится мощным, красивым, богатым обертонами, когда по просьбе В.Д.Дувакина он сходу, без подготовки читает на немецком языке фрагмент из "Фауста" Гете или редкое по красоте стихотворение Рильке, и тут же, почти без паузы — по-французски сонет Бодлера "La amants"; комментируя стихотворение Вяч. Иванова, он мимоходом пояснит, что стихи написаны особым, не очень распространенным в русской поэзии размером (кнительферсом), о котором вы с трудом разыщите скупую информацию в специальном труде М.Л.Гаспарова*.

Готовя к публикации этот материал, мы понимали, что столкнемся с определенными трудностями, а главное — с проблемами адекватной передачи устных бесед на бумаге. Разговорная речь отличается от письменной, у нее свои законы, своя логика, она более свободна от шаблонов, меньше зависит от внутреннего редактора, но в ней больше словесного "мусора", в ней неизбежны ошибки памяти.

Речь М.М.Бахтина нетороплива, размеренна, богата интонациями, многозначительными паузами, повторами слов и словосочетаний, которые тоже несут свою смысловую нагрузку. Разговаривая с В.Д.Дувакиным, он не столько повествует, сколько размышляет в расчете на собеседника, словно приглашая к дальнейшему совместному раздумью. Даже небольшая редакционная правка выравнивает текст, придает речи М.Бахтина оттенок категоричности, в то время как она сложнее, богаче оттенками, а сам диалог — многослойное.

Возможно, мы так и не отважились бы на журнальную публикацию, если бы не профессиональная помощь специалистов, и в первую очередь — С.Г.Бочарова, который прокомментировал текст, дополнил его своими воспоминаниями, прояснил непонятные места, помог избежать некоторых существенных ошибок. Биографическая часть во многом обязана Л.С.Мелиховой. последняя беседа о М.В.Юдиной — А.М.Кузнецову и Н.И.Николаеву. Воспоминания проиллюстрированы фотографиями из частных архивов близких М.Бахтину людей (Н.П.Перфильева, Ю.М.Каган и уже упомянутых исследователей). В том, что этот материал обрел новую жизнь, большая заслуга редактора журнала Н.И.Дубровиной. Опубликованы все 6 бесед с небольшими сокращениями. Отвечая на вопрос, насколько опубликованный текст соответствует оригиналу, следует сказать, что фактические потери, конечно, есть, но они не очень значительны. Возможно, более существенны они с точки зрения психолингвистов. И хотя мы старались сохранить своеобразие устной беседы, речевую индивидуальность Михаила Михайловича (насколько это позволяли рамки журнальной публикации), некоторые купюры, наверное, могут представлять интерес для такого рода читателей. На наш взгляд, эти потери возместимы: есть оригинал и надежда, что полный текст будет опубликован в готовящемся в ИМЛИ Академическом собрании сочинений М.М.Бахтина в разделе "материалы к биографии".

Перед вами — фрагменты из шестой, заключительной беседы М.Бахтина с В.Дувакиным. беседа состоялась 23 марта 1973 г. Она полностью посвящена М.В.Юдиной, с которой М.Бахтин познакомился в 1918 г. в Невеле. Для М.В.Юдиной эта встреча

* МЛ.Гаспаров. Очерк истории европейского стих». М., Наука, 1989, С. 16

тоже оказалась очень важной. Впоследствии она скажет: "Что есть дружба? Верность до гроба и обмен духовными дарами". М.Бахтин рассказывает о зарождении этой дружбы и в заключении читает стихотворение А.Фета, посвящая его памяти Марии Вениаминовны. Беседа будет опубликована в журнале "Человек", 1994, N 6; 1995, N 1. С оригиналом можно познакомиться в отделе фондокументов Научной библиотеки МГУ.

Приложение

23 марта 1973 года Шестая беседа с Михаилом
БАХТИНЫМ

Дувакин В.Д.: Ну, давайте, Михаил Михайлович, приступим наконец к нашей финальной теме: Мария Вениаминовна Юдина.

Бахтин М.М.: Да. Так вот, я познакомился с Марией Вениаминовной Юдиной, когда приехал в Невель к своему другу Льву Васильевичу Пумпянскому. Лев Васильевич Пумпянский в Невеле жил уже два года, потому что он там отбывал воинскую повинность, то есть не отбывал воинскую повинность, а там стоял его полк. Ну вот. И в то время, когда я к нему приехал, он уже был демобилизован. Он очень хорошо знал все местное невелиское общество, в том числе знал семью доктора Юдина. Это был самый такой уважаемый врач в Невеле — доктор Юдин. Более того, когда были выборы в Учредительное собрание, то он был выставлен в качестве одного из кандидатов.

Д: От какой партии?

Б: А вот тут как раз такая история с ним произошла... Он был всю жизнь кадетом. И вообще, конечно, так сказать, по своему стилю, по своему характеру, — солидный врач — кадетская партия. Но так как он рассчитал, что кадеты не пройдут, а пройдут более левые, то он вдруг стал ни с того ни с сего меньшевиком.

Д: Большевиком?

Б: Да. Буквально почти накануне выборов... И, значит, его поставили по списку меньшевиков.

Д: И что же, выбрали?

Б: Нет, не выбрали. Не прошел и меньшевик. Ведь это же было по Витебской губернии. Там он не прошел. Их же много там было, список-то прошел, но, очевидно, до него-то не дошла очередь. И вообще, насколько я сейчас помню, там, в Витебске, меньшевики не имели большого успеха. Эсеры.

Д: Да вообще, конечно, лучше ему из кадетов в эсеры надо было подаваться! (смеется).

Б: Да, а вот он почему-то к меньшевикам примкнул... Ну, вот... У него была семья большая.

Д: Большая?

Б: Да. У него было два сына, один из них недавно умер, был тоже очень видный врач, и... несколько дочерей. Их было

много. Ну, я, собственно, почти всех, вероятно, знал, но уже забыл. Но так близко знал только Марию Вениаминовну Юдину и ее сестру.

Д: Отец был Вениамин..?

Б: Вениамин Гаврилович, по-моему, да. Вот. Я потом брата его узнал, адвоката витебского, Якова Гавриловича,— очень почтенный тоже был человек.

Д: Это была полностью, с обеих сторон, еврейская семья?

Б: Еврейская семья полностью. И мать была еврейка. Но она умерла. К тому времени, как я приехал, она недавно, кажется, за год до этого, умерла. Так что я знал только отца, братьев, сестер Марии Вениаминовны. А потом дядю ее узнал, уже потом, в Витебске.

Д: Они что же были — зажиточные люди. в общем?

Б: Они были зажиточные люди, но они не были богачами, потому что они не были богачами, Потому что они не были ни торговцами, ни промышленниками. Он был врач. который очень хорошо зарабатывал, вот, а брат его — Яков Гаврилович Юдин — был адвокат, очень видный адвокат и тоже очень хорошо зарабатывал. Вот так. Ну, может быть. у них. как у очень многих евреев, маленький капитал и был, но в то время это уже не имело никакого значения — капитала собственно не было. У него был собственный дом. В центре города, с садом, прекрасный дом, где он жил со своей семьей. Большом дом был. Вот. Лев Васильевич с ним был, значит, давно знаком и давно знаком с его дочерью, младшей дочерью. Это — Мария Вениаминовна. Ей было тогда лет 16, когда я приехал.

Д: Это, значит, в 19 году?

Б: Нет, в 18 году это было.

Д: И ей было лет 16?

Б: Ей было лет 16, да. Ну, точно я не знаю... Она когда родилась?

Д: Я-то не помню год ее рождения, но мне казалось, что она раньше 900-го года родилась.

Б: Она была, по-моему, на 4 года моложе меня.

Д: Ну, тогда как же 16? Она — 99. мне так помнится. А если 99-го. то в 18-м году ей было уже никак не меньше, чем 19.

Б: Да, нет, нет! Ей было меньше /.../ Она была еще, собственно, девушка такая, ну, не вполне зрелая, когда я с ней познакомился.

Я там читал небольшой курс лекций по философии. Местная интеллигенция проявляла большой интерес ко всему вообще, и особенно к философии. И вот, значит, небольшой курс я и читал по философии. И в числе моих слушателей была Мария Вениаминовна. Я на нее сразу обратил внимание: девушка, молодая очень, полная, правда, полная, большая, она была в совершенно черном платье. Вообще вид у нее был тогда совер-

шенно такой... монашеский, правда, контрастирующий с ее молодым лицом, молодыми глазами и так далее. Вот... Но она одевалась как монахиня почти что, то есть, конечно, не как монахиня, но под монахиню.

Д: А она что, уже тогда крестилась?

Б: Она уже тогда, по-моему, крестилась.

Д: Это не при Вас было?

Б: Не тогда, а до этого. Нет, это было не при мне. Она крестилась раньше.

Д: Значит, она выросла в еврейской семье и сама крестилась, так сказать, в раннем юношеском возрасте?

Б: Да, в раннем возрасте она крестилась.

Д: Индивидуально? Семья не крещеная?

Б: Индивидуально. Нет. семья не крестилась. Отец вообще, я Вам скажу... это был, ну, врач... Он был очень умный человек, кстати сказать. Очень умный человек. Сильный человек. Незаурядный человек. Незаурядный был человек. Но мировоззрение у него было несколько даже циничское. Ему было решительно все равно, приняла ли его дочь христианство, или магометанство, или все, что угодно — одинаково было все. Ну вот. Она была на всех моих лекциях и внимательно следила...

Д: А Вы читали историю философии?

Б: Я читал введение в философию. Ну... это была история, но больше не в порядке хронологическом, а в порядке проблемном, как обычно строится...

Д: Понятно.

Б: Да. Введение в философию. Ну, а уже внутри проблем — исторический порядок.

Д: Ну, вот. проблема познания...

Б: Вот. да-да.

Д: ... в античности и у ...классиков...

Б: Вот так. Ну, главное внимание я в своих лекциях обращал на Канта и кантианство. Я это считал центральным в философии. /.../ Да, неокантианство — это прежде всего, конечно, Герман Коген...

Д: Риккерт.

Б: Риккерт, конечно. Наторп, Кассирер. Кассирер.

Д: Риккерт и Кассирер — это я через Белого немножко помню, знаю.

Б: Ну, Вы знали, конечно. Помните знаменитый трехтомник Кассирера "Philosophie der symbolischen formen" — это замечательная книга, до сих пор не устаревшая, до сих пор ее у нас цитируют и все это. Ну вот, это, так сказать, было главной такой темой моего философского курса.

Теперь — Мария Вениаминовна, когда я с ней познакомился, находилась под большим влиянием Льва Васильевича Пумпянского. Возможно, что и крещение ее произошло под влиянием Пумпянского. Пумпянский тоже из еврейской семьи. Он был

полукровка: Отец был еврей, а мать была чистокровная француженка, и поэтому он был /усмехаясь/ наполовину еврей русский, западного края, а наполовину французом. Вот его двоюродные братья, родственники по матери,— это были французы: один из них был французским офицером, а один из них даже, я сейчас не помню, потом уже, был членом правительства французского. Вот. Кажется, он был так довольно правых взглядов.

Д: Но к ее семье это, собственно, не имело отношения?

Б: Не имело отношения, никакого. Ну вот, она находилась под сильным влиянием, и философским. Он тоже философствовал. Философом он не был, но философствовал. А затем — литературное влияние. Можно сказать, он был замечательный эрудит в области литературы, и в области иностранной литературы в особенности. Он знал много языков, читал необычайно быстро. Он умел большую монографию прочитать в один вечер и потом ее деривизировать* /?!/ с очень большой точностью и полнотой. В этом отношении у него способности были исключительные, у Льва Васильевича... Вообще эти полукровки очень часто бывали необычайно способными. Что в нем было больше — я не знаю: православного, русского... Он очень любил русскую культуру, православие: был православным, и ярым православным, но вот в то же время /улыбается/ — католическая родня по матери.

И так как он был человек, конечно, очень заурядный, то он оказал на Марию Вениаминовну подавляющее просто влияние. Она одно время,— да и не только одно время, я бы сказал, это влияние Льва Васильевича, осталось до конца ее дней — кое-где, хотя они, так сказать, разошлись потом, и очень далеко были друг от друга, потому что Пумпянский в конце своей жизни ударился в марксизм и в коммунизм. Ну, коммунистом он, конечно, не стал. да его и не приняли бы никогда в партию, но он стал заядлым марксистом и сталинистом, вот. Но Мария Вениаминовна, конечно, к этому относилась... я бы не сказал, отрицательно, но, одним словом, не разделяла этого, не разделяла его взглядов.

Д: Отталкивалась.

Б: Отталкивалась, да. Ну и вот, следовательно, тогда-то вот это православие, славянофилы, которых он знал хорошо и очень любил и даже Хомяков, Хомяков, и не только его, конечно...

Д: Вот где точки соприкосновения с Лидией Евлампиевной-то!***.

*Дериват (от лат. derivatus) — производное от чего-то более первичного (при.м. ред.)

**Л.Е.Случевская (1897-1979) — филолог, близкая знакомая М.В.Юдиной

Б: Да, ну, конечно же! Хомяков, которого он очень любил и ценил, и притом не только его богословские, философские работы, но даже его слабые стихи. Он же был поэт — Хомяков. И, между прочим, как раз издали Хомякова недавно — в Библиотеке поэтов. Да. Стихи у него слабые,— но религиозные. И вот под этим влиянием она и была. Настроение и даже мировоззрение, поскольку уже можно говорить у такого молодого человека о мировоззрении, у нее было такого вот православно-славянофильского склада. /.../

Ну, вот, я, следовательно, познакомился с ней близко. Она очень интересовалась философскими вопросами, притом обнаружилось, что она обладает способностями к философскому мышлению, довольно редкому. Как Вы знаете, философов не так много на свете. Философствующих очень много, но философов мало. И вот она как раз принадлежала к числу таких, которые могли бы стать философами. Она...

Д: Среди женщин тем более это редко.

Б: Тем более редко, да. Вот, затем, она проявляла огромный интерес вообще к языкам, в частности к латинскому, древнегреческому языку, к литературе. Потом, правда, уже в Ленинграде,— нет, еще в Петрограде — я даже давал ей в течение примерно года или даже двух, уроки древнегреческого языка. Тогда еще нет, тогда мы вели только философские беседы. Вот она слушала мой философский курс, потом мы вели с ней философские беседы. Между прочим, интерес ведь к философии и вообще к культуре проявлял и ее отец, доктор. Это был умный и широкий человек, несмотря на свое несколько циничское мировоззрение еще старой такой докторской интеллигенции, немножко чуть-чуть даже какие-то пережитки 60-х годов, нигилизма и так далее, и так далее. Дальше. Следовательно...

Мы очень часто совершали большие прогулки. Невель, окрестности Невеля исключительно хороши вообще, и город прекрасный. Он стоит на озерах, это как бы озерный край. Озера и окрестности совершенно чудесные. Мы совершали далекие прогулки, обыкновенно, значит: Мария Вениаминовна, Лев Васильевич, иногда кто-нибудь еще,— и во время этих прогулок вели беседы.

Я помню, я им излагал даже, ну, начатки своей... э... э... нравственной философии, сидя на берегах озера так в верстах... должно быть, километрах в десяти от Невеля. И даже это озеро мы называли озером Нравственной Реальности /ухмыляясь/. Оно никакого названия до этого не имело.

Места там были великолепные — курганы. Но курганы не древние, а, главным образом, 12 года. Это же была дорога, где проходила армия Наполеона, отступающая. И вот, следовательно, там мы беседовали и на религиозные, на богословские темы, но, главным образом, конечно, так как я интересовался философией, и прежде всего философией неокантианского типа, то

это была главная тема. И, повторяю, меня поразила философский склад ее ума.

И затем, тогда же... она была и тогда музыкантшей, музыкантшей. и выступала в Невеле... У нас там был Народный дом, в Невеле, и вот на вечерах она там выступала. Я помню, был вечер, посвященный Леонардо да Винчи. Я там делал доклад, а она потом выступала и играла "Funerailles" Листа. "Funerailles " — замечательное произведение, играла...

Д: Повторите название.

Б: "Funerailles". Это надгробная, вот... Похоронная. Это особое произведение музыкальное, довольно мрачное, но очень сильное. И она играла великолепно. Я помню, тогда меня поразила необычайная сила ее руки. совершенно не женская. Да.

Тогда наше, так сказать, знакомство близкое продолжалось недолго: лето и начало осени, а затем Мария Вениаминовна уехала в Ленинград, где она училась в Консерватории. Она уже, по-моему, тогда училась в Консерватории: и она, значит, вернулась к началу занятий. А я оставался еще в Невеле, а потом переехал в Витебск.

СОДЕРЖАНИЕ

Л.М.Максимовская ... Невель “Бахтинского” времени”	5
Б.Ф.Егоров ... Невельский “кружок” Бахтина и типология кружков	12
В.Л.Махлин ... Была ли “Невельская школа”?.....	15
К.Г.Исупов... В режиме апофатического чтения	19
В.Г.Белоус ... Л.В.Пумпянский в Вольфиле	22
В.А.Гущина ... Идеи Бахтина и проблемы аналитической философии	25
А.И.Сизов ... Документы Великолукского филиала Госархива Псковской области – Источник по изучению общественно-политической ситуации в Невель- ском крае в 1918 – 1920 годах	28
Н.А.Паньков ... Невельский период биографии М.М.Бахтина: по страницам архивных материалов	32
В.И.Лаптун ... О некоторых моментах жизни и деятельности М.М.Бахтина в Саранске	34
В.Ф.Тейдер ... Устные воспоминания М.М.Бахтина в коллекции фонодокументов Научной библиотеки МГУ	36
Приложение ... 23 марта 1973 года. Шестая беседа с Михаилом Бахтиным	40